

Наталья Эфремсон

дедушки-бабушки
и внуки

*Наталья
Эфроимсон*

Дедушки-бабушки

БОСТОН • 2026 • BOSTON

Наталья Эфроимсон
Дедушки–бабушки. Рассказы

Составитель: Владимир Эфроимсон

Редактор: Лена Мандель

Natalia Efroimson
Grandfathers and Grandmothers. Short Stories

Compiled by Vladimir Efroimson

Edited by Lena Mandel

Copyright © 2026 by Vladimir Efroimson

ALL RIGHTS RESERVED. No part of this book may be reproduced or utilized in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording, or by any information storage and retrieval system, without the written permission of the copyright holder.

ISBN 978-1-970342-40-6 (pbk)

PUBLISHED BY M•GRAPHICS | BOSTON, MA

☐ www.mgraphics-books.com

✉ mgraphics.books@gmail.com

Book Design and Layout: M•GRAPHICS | BOSTON, MA

Cover Design by Vladimir Knop © 2026

Photography by Vladimir Efroimson

Printed in the United States of America

Хочу выразить свою глубокую благодарность
всем друзьям, помогшим в осуществлении
этой книги, и прежде всего Лене Мандель,
Владимиру Кнопю, Михаилу Минаеву,
Владимиру Друку, Алле Дубровской,
Владимиру Гандельсману.

Владимир Эфроимсон

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

1 октября 2025 года скончалась Наталья Эфроимсон. Болезнь была тяжелой и очень стремительной — прошло всего чуть больше месяца от момента, когда поставили диагноз. Для всех, кто знал её, это было страшным неожиданным ударом. Мне потребовалось несколько месяцев, чтобы заставить себя заняться этой книгой.

Наталья стала серьёзно заниматься литературой поздно. В юности она, как и многие, писала стихи, но довольно быстро это бросила и снова «взялась за перо» уже в очень зрелом возрасте. Теперь это была проза. И на удивление с самого начала эта проза была очень зрелой, никакого ощущения «начинающего автора» — прекрасный легко читаемый язык, крепкий захватывающий сюжет, точные детали, хорошо прописанные характеры... Всего она успела опубликовать три романа. Эти романы вышли под псевдонимом Нонна Беспалова. В книге, которую вы сейчас держите в руках, есть её рассказ о появлении этого псевдонима.

В эту книгу помимо рассказа «Псевдоним» входят ещё две вещи — «Дедушки-бабушки» и «Рабочий посёлок». Обе они состоят из рассказов Натальи об её семье и о детстве в Химках. Некоторые из этих рассказов она выкладывала в Интернете, что-то было опубликовано в «Вестнике Пушкинского общества Америки». В отличие от романов эти

рассказы были опубликованы под её настоящим именем, а не под псевдонимом. Так что и эту книгу мы публикуем не под псевдонимом.

Владимир Эфроимсон

Владимир Друк

ВЕТКИ РЯБИНЫ

Эта книга начинается с простого намерения: пока память ещё держит, записать всё, что известно о семье. Но очень скоро становится ясно, что перед нами не просто рассказы о дедушках и бабушках. Семейная хроника постепенно становится историей времени.

Наташа Эфроимсон начала писать эти тексты, вероятно, для своих детей и внуков: чтобы они знали своих предков, понимали, откуда их привычки, жесты, упрямство, запасливость, недоверие к власти, умение выживать и неумение забывать. Но семейные воспоминания здесь всё время выходят за пределы семьи. За каждым домашним эпизодом открывается иной, широкий слой: еврейское местечко, революция, ЧК, Гражданская война, сталинский террор, лагерь, блокада, послевоенная бедность, коммунальная квартира, рабочий посёлок, поздняя советская ложь, эмиграция...

Главные фигуры — дед Яша и бабушка Дуся. Но рядом с ними остаются и те, чьи биографии восстановлены лишь частично: прадеды, прабабушки, тётки, соседи, исчезнувшие родственники, люди из писем, слухов, обрывков разговоров. В этом тексте важны пробелы. Автор часто пишет: «не знаю», «не помню», «может быть», «кажется». Именно эти оговорки делают рассказ живым и честным. Память

не притворяется архивом. Она говорит, пока может, и останавливается там, где больше нечего предъ-
явить.

Исторический ужас держится на бытовой точно-
сти. Аресты и банки с крупой, лагерь и тонкие бли-
ны, блокада и коммунальная кухня, расстрелянные
местечки и дедушкина кепка на крючке у двери.
История входит в дом не газетным лозунгом, а голо-
дом, холодом, очередью, чужим пальто, куском хле-
ба, страхом перед звонком в дверь, привычкой всё
запасать «на чёрный день».

Это свидетельство человека, который знает цену
домашнему рассказу именно потому, что слишком
многое было уничтожено, скрыто, вытеснено или
переписано. Здесь важна Наташина пристрастность:
её гнев, ирония, боль, резкость, недоверие к совет-
ской ностальгии. В этих интонациях слышен личный
темперамент и сопротивление той самой Большой
Лжи, о которой говорится в самом начале. Важны
и сюжеты, и дыхание рассказчицы: её внезапные
отступления, вопросы к самой себе, споры с мёртвы-
ми, резкие оценки, детские воспоминания, поздние
догадки.

Большая история обычно кажется чем-то далё-
ким, государственным, напечатанным в учебниках.
Но на самом деле она состоит из мелочей: из запа-
ха коммунальных кухонь, разговоров вполголоса,
уроков в школе и уроков в подворотнях, шёпотов
и недомолвок, спрятанных писем и дневников.

Наши дети ещё немного это застали или слышали
от нас. Внуки наши уже почти ничего не знают. Мне
кажется, эта книга — не только для нас, для наших
уже выросших детей и растущих внуков, но и — для
тех, кто придёт после них.

Становится понятно, почему Наташа, после
нескольких романов и повестей, в последние годы

жизни задумала и написала именно такую книгу — историю своей семьи. Если читать внимательно, то и историю многих наших семей. Не потому, что у всех было одинаково, а потому что через эти частные подробности проходит нерв времени.

Когда я читал отдельные начальные отрывки, которые Наташа присылала мне или публиковала в Facebook, я воспринимал их как живые житейские хроники. Теперь же, когда книга сложилась целиком, и когда Наташи уже нет, всё видится иначе. Это уже не просто воспоминания.

Наши родители, наши старики как-то неожиданно быстро ушли. Мы вдруг остались крайними — последними, кто ещё что-то помнит — не из книг, а кожей, голосами и запахами. Но мы не очень-то склонны рассказывать. Нас этому не учили. Нас, наоборот, учили помалкивать. Но именно нам надо передать дальше то, что мы слышали и видели: как жили, чего боялись, о чём мечтали, чему верили, во что перестали верить, как на наших глазах рушился социализм, как за ним пришла анархия дикого капитализма, а потом снова стала собираться новая, всё более жёсткая и опасная власть.

Читаешь и перечитываешь эти страницы, и невольно вспоминаешь и вновь переживаешь своё: свои истории, тайны и беды типовой советской семьи.

Опыт прожитого не передаётся сам собой. Его надо успеть записать и рассказать. Иначе остаются фотографии без голосов, лица без судеб, даты без боли, легенды без тех, кто мог бы объяснить, что в них правда, а что спасительная выдумка.

Наташа выполнила одну очень важную, нигде не записанную заповедь: рассказать о том, как было.

Прошлое снова возвращается. Звучат старые призывы к простым решениям, ко всеобщей уравни-

ловке, к поиску виноватых, к ненависти к «другому». Возвращаются слова и жесты, которые, казалось бы, уже должны были навсегда остаться в прошлом. Многие не понимают, откуда всё берётся и чем это кончается.

Чужой опыт никого не учит, но всё-таки, всё-таки, вдруг... вдруг кто-то захочет понять? Эта точная книга скажет о времени больше, чем толстые исторические обзоры.

Спасибо тебе, Наташа, за интуицию, которая подсказала тебе написать эту книгу. Спасибо за труд, за память, за точность, за мужество говорить и о красивом, и о смешном, и о тяжёлом. За то, что помогла вспомнить и помнить.

Ты была верным, внимательным, тонким и надёжным другом. Твоя неожиданная смерть всё ещё кажется невозможной. Кажется, ты рядом, как всегда, на расстоянии одного звонка. И сейчас я держу в руках твою книгу и понимаю: ты успела сделать главное.

В конце книги старый дом уже оставлен, кот возвращается туда, где ему лучше, а бабушка срезает веточки берёзы и рябины у прежнего дома, ставит их в воду, ждёт корней и высаживает возле нового окна.

Алла Дубровская

ВСПОМИНАЯ НАТАШУ

Перед вами не просто история семьи, жанр довольно сейчас распространенный, но сочетание авторской исповеди с рассказом о судьбах отцов и матерей, дедушек и бабушек на фоне истории страны, в которой они родились и прожили свои тяжелые жизни.

Не всем авторам семейных жизнеописаний удастся так полно собрать воспоминания прошлых поколений, как удалось это Наташе. Записывая ускользающую память родных людей, она думала о тех, кому предназначался её труд: о детях и внуках. К ним и обращены эти слова: «Трагические судьбы отцов и матерей, дедушек и бабушек привели нас к решению навсегда покинуть страну, в которой мы родились, и отделить себя от её судьбы, какой бы она ни была». И дальше: «Мои рассказы — это рассказы о том, о чем молчали наши бабушки и дедушки».

Мы встретились уже в Америке: москвичка из пригородного рабочего поселка и ленинградка из пригородного Детского села. Дети «оттепели», мы сразу нашли общий язык, обменялись книгами. Позднее она внимательно выслушала мои замечания, дружелюбно высказала свои суждения. Мне запомнилась её спокойная доброжелательность и чуткое внимание. Говоря о Наташе, я всегда называю её

милой. От нее исходил приветливый свет, осеняющий всех, находящихся рядом.

Уже после её смерти, читая «Рабочий поселок», я поняла происхождение этого замечательного характера: «Я выросла в семье моей малограмотной бабушки, управлявшей своей семьёй тихо, без криков и ссор, — пишет Наташа. — Это была дружная семья, с досоветскими понятиями добра и справедливости и сочувственным отношением к людям и их слабостям».

Так она жила и так же тихо ушла, оставив по себе память согревающего мягкого света.

Владимир Гандельсман

СВОЯ СТЕНА ПЛАЧА

*И нет уже свидетелей событий...
И медленно от нас уходят тени,
Которых мы уже не призываем,
Возврат которых был бы страшен нам.*

А. Ахматова

«Есть три эпохи у воспоминаний...»

В те времена, о которых пишет автор этой книги, частная жизнь в России подавлялась жизнью общественной, проще говоря: государством. В разные исторические периоды люди с разной степенью изворотливости выкраивали жизненное пространство, в котором можно было дышать.

Об этом книга. О бесчеловечном и человеческом.

Когда-то Ахматова говорила о двух Россиях — о той, которая сажала, и о той, которую посадили, и о том, что две России должны взглянуть друг другу в глаза. Но существовала и существует третья Россия — Россия погибших.

Эта история написана человеком, на родословном древе которого соединились две ветви: семья деда-еврея (и его жены) и семья русской бабушки (и её мужа). Соответственно в книге две части: «Повесть о дедушке Яше» и «Повесть о бабушке Дусе».

Это история прозрения человека, чья молодость пришлась на 70-е годы двадцатого века, которые

можно назвать «относительно вегетарианской эпохой» в сравнении с минувшими десятилетиями сталинщины. Появляются произведения Войновича, Аксенова, Битова, а главное — Солженицына и Шаламова, пусть в основном в самиздате, но в *доступном* самиздате, появляется правда о ГУЛАГе, скрытая от молодых людей родителями и школой.

История начинается в 1978 году, когда Наташа могла уехать из СССР вместе с семьей Оскара Рабина, знаменитого и преследуемого в Москве художника, организатора «Бульдозерной выставки», могла уехать, но осталась. Когда дед Яша узнал об этом, он сказал: «Ты прости, но ты, таки, идиётка!»

Судьба деда: Первая мировая, плен, работа на немецкой сапожной фабрике, возвращение в родное местечко под Николаевом, «не грело его солнце чужое», а дома ждало то, о чем он молчал все годы долгой жизни — работа в одесском ЧК, расстрелы, борьба с бандитами в южных степях, арест, пытки в подвалах Ярославского вокзала (там находилось отделение НКВД Ярославской железной дороги), десять лет лагерей, амнистия...

«После рассказа деда я каждый раз, проходя мимо здания Ярославского вокзала, смотрела на зарешеченные окна полуподвала. Что там сейчас? Склады? Архив? Или помещение так и осталось за КГБ? А потом за ФСБ?».

«Я тебе, девочка, не все могу рассказать», — отвечал дед на расспросы внучки...

Судьба его жены, верной подруги, прошедшей с ним Гражданскую войну. После ареста мужа — поездка к месту его заключения. Возвращение ни с чем в Москву. Еврейский быт на подмосковной даче, гвалт, галдеж с переходом на идиш...

Да, конечно, не только горе, но и крупички домашнего счастья, пусть на непонятном для девочки язы-

ке. Дружное чаепитие, рассмотрение семейного альбома, где будущие бабушки — ангелочки в кружевных платьичах на коленях своих нянюшек. «Если бы ангелочки знали, какая у них будет жизнь...» Да, сквозь слезы, да, запоздалое, но объяснение в любви.

Судьба бабушки Дуси... Там тайна рождения её дочери (матери автора), там Ленинград, блокада, эвакуация на Урал, возвращение в Химки, там семья с досоветскими понятиями добра и справедливости и сочувственным отношением к людям и их слабостям...

О судьбах родных и близких эта книга, в которой рассказано всё и в которой парадоксальным рефреном звучат слова старших: «Я тебе, девочка, не все могу рассказывать». Благодарный читатель поймет, о чем они молчали.

В «Отцах и детях» Базаров обвинял старшее поколение во лжи, в «Бабушках и дедушках» этого обвинения нет, есть великое сострадание.

«Мертвые души», «Записки сумасшедшего», «Преступление и наказание», «Бесы», «Война и мир», «История одного города», «Господа Головлевы», «Записки из Мертвого дома», «Хождение по мукам», «Крутой маршрут», «Колымские рассказы», «Архипелаг ГУЛАГ»...

Из одних только названий русских романов и повестей можно уразуметь историю России, не правда ли?

«Любовь к родному пепелищу, / Любовь к отеческим гробам». Но не только. У человека есть детство, и это не пепелище, но «время и место», и от них никуда не деться.

Одно из самых счастливых свидетельств книги — вот оно:

«Память выхватывает отдельные картинки. Вот я, лет пяти-шести, иду домой в красном лыжном

костюмчике с начесом, вся в сосульках из сваявшегося снега. Я тащу за собой санки, меня шатает от усталости, санки болтаются сзади, и снег на сугробах вдоль дороги сверкает и переливается под жёлтыми фонарями, как плащ старухи Пурги из любимого мультфильма».

Одно из самых страшных свидетельств книги?

«Никто не забыт и ничто не забыто» — ложь от первого до последнего слова. Быть может, именно это подвигло Наталью Эфроимсон взяться за перо. Говоря об уничтожении жителей местечка Доманёвки, где был расстрелян её прадед Шимон Ротштейн, она пишет, что во многих городах и селах России можно было бы установить «свою Стену Плача».

И далее, обращаясь к своим родным: «Вы жили в стране, где тяжелой судьбой никого не удивишь. Если вы можете из вашего таинственного далека видеть сейчас меня, моих детей и внуков, взгляните на нас. Вы не будете разочарованы, и мы не прибавим тяжести вашим душам. Я уверена, вам понравится, как мы живем. Простите мне, я слишком поздно поняла, как вы мне дороги, как я вас люблю. Да будет земля вам пухом!»

ДЕДУШКИ-БАБУШКИ

*Дедушке Якову и Бабушке Евдокии
посвящается*

В 2008 году я написала историю моей семьи, которая распалась на две повести, написала её для детей и внуков, чтобы знали свои корни, своих предков. Позже я оформила эти воспоминания в виде коротких рассказов. Здесь я привожу весь текст, написанный тогда, с небольшими сокращениями и несколькими вставками, которые были написаны позже.

Предисловие 2008 года

Пока я ещё могу доверять своей памяти, я хочу записать всё, что я знаю о нашей семье. Из старшего поколения остались уже только мой 85-летний отец и сестра моей матери тётя Лида, ей 78. Мой отец лежит после тяжелого инсульта. Левая сторона его тела парализована и неподвижна, а сознание блуждает, выхватывая куски из его прошлого. Для него все происходит одновременно: и взятие Кёнигсберга, и детство в Украине, и служба в Туркмении в гарнизоне за станцией Мары, и голодный месяц в Ленкорани, где формировалась его часть. Он готов под моим давлением признать, что находится в своей квартире в Кузьминках, только чтобы скорее рассказать, как они с Гороховым вчера дожидались эшелона, пытаясь догнать свою часть, и из какого-то поезда им в каску отсыпали каши. Для него живы

и его фронтовые друзья, и папа с мамой. Он узнает меня и называет по имени, но когда в его поле зрения появляется молодая медсестра или миловидная врач-невропатолог, он отказывается признавать свою дочь в немолодой и полной женщине и, показывая на них, говорит: «Вот моя дочь».

Тётя Лида много лет живет одна в своей двухкомнатной квартирке, которую когда-то им дал завод на 4-х взрослых человек. Дедушка Ваня, бабушка Дуся и тетин муж дядя Миша похоронены на кладбище в Фирсановке, там же могила Лидиной сестры, моей матери. У тети Лиды сильный склероз. Она по многу раз на дню задает одни и те же вопросы, каждый день заново удивляется тому, что я не ем хлеба и каждый раз, удивившись, рассказывает мне, что она ест с хлебом все, даже макароны, что еда без хлеба ей кажется безвкусной и, что это с ней так после блокады. Упоминание о блокаде обязательно вызовет рассуждение о судьбе, о том, кому было суждено погибнуть, а кому остаться в живых, о том, что бог все-таки есть. Затем она всплакнет о ранней кончине мужа и вспомнит его рассказ, как его мать, оставшись в войну одна с четырьмя детьми, послала их с братом в лес за дровами, и как они прятались от лесника в снегу, а потом оба рано умерли от одной и той же болезни. А мама ее, моя бабушка, дожила до ста лет, хотя жизнь у нее была тяжелая. Потом опять о судьбе, после судьбы — о блокаде, и так мы ходим и ходим по давно выученному мной дословно кругу её воспоминаний и остается только удивляться, как хорошо она при этом справляется со своей бытовой жизнью, не забывает выключить газ, закрыть дверь и никогда ничего не теряет.

Теперь только я могу собрать все, что когда-то рассказали мне мои близкие, и восстановить, хоть и неполно, события их жизни. Я делаю это для вас,

мои дети. Сейчас, в эмиграции, знать историю своей семьи особенно важно. Трагические судьбы отцов и матерей, дедушек и бабушек — это тот путь, который привел нас к решению навсегда покинуть страну, в которой мы родились, и отделить себя от её судьбы, какой бы она ни была.

Мой отец, Иосиф Яковлевич Ротштейн, родившийся в Одессе, с шести лет житель Москвы, познакомился с моей матерью, Проскуриной Ниной Ивановной, уроженкой Ленинграда, в Москве, в Тушино. В Тушино стояла папина лётная часть, а мама посещала там какие-то курсы. Так соединились две совершенно непохожих семьи — семья моего деда-еврея и семья моей русской бабушки. О них и будет рассказано в этих двух повестях.

Немного о «прекрасной» эпохе

Хочу напомнить об одной особенности эпохи, в которой прошла большая часть жизни наших бабушек и дедушек, отцов и матерей. Я думаю, всем известно, что это была эпоха Большой Лжи. Одни лгали, потому что боялись за свою жизнь, другие, потому что боялись потерять доступ к сытной кормушке. Лгали по должности и по необходимости, ради карьеры и ради самосохранения. Лгали с трибун и в частных разговорах, лгали на собраниях и съездах, в газетах и книгах, по радио и по телевидению.

Не могу не удивляться, когда мои ровесники вспоминают наши социалистические будни с теплом и любовью. Мне кажется, те, кто вспоминает это время как счастливое, или эпоху как «прекрасную», так и не освободились от наваждения Большой Лжи.

Чему было радоваться? Конечно, годы нашего детства были сравнительно благополучными, уже не голодными и, как тогда говорили, не «людоед-

скими». Так много, как при Сталине, уже не сажали. И это всё. Советская власть не стала другой, менее жестокой, менее лживой, да и методы не изменились. Нас калечили, начиная с детсадовских «утренников». В наши головы годами вдалбливали готовые идеологические формулы. Нас планомерно приучали верить одобренному партией вранью, отбивая привычку думать самостоятельно.

Мы становились октябрятами со звёздочками, потом пионерами с красными галстуками, потом комсомольцами с комсомольскими значками. И, заметьте, в бойскауты, если ты любил походы, организованные приключения и полувоенную дисциплину, записывались по желанию, даже в гитлерюгенд шли добровольно, а мы все должны были обязательно стать октябрятами, пионерами и комсомольцами. Отщепенцы не могли рассчитывать на хорошие оценки в аттестате, на поступление в институт, а в институте на хорошее распределение. Выход из комсомола в 99 случаях из 100 вёл к отчислению из школы или из института.

И везде было чёткое деление на группы, у октябрят — «звёздочки», у пионеров — «звенья», у комсомольцев — ячейки, отряды, везде — строгая иерархия, вертикаль подчинения, обязательные собрания, политинформации. Я это вспоминаю с ужасом, так же, как и пионерские лагеря с их казарменным бытом, с ежедневным построением на линейку, с поднятием красного флага и пионерским салютом, со спальнями на 20 человек, с убогими развлечениями и бодрыми речёвками. «Кто шагает дружно в ряд?» «Это смена комсомола, дружных ленинцев отряд!» Мы все через это прошли, но мы, наше поколение, послевоенное, стали «детьми оттепели». Нас уже нельзя было обмануть Большой Ложью. Мы пришли в жизнь с открытыми глазами.

Неприятности и угрозы нашего «периода застоя» — ничто в сравнении с теми испытаниями, которые выпали на долю старшего поколения. Сколько же им пришлось пережить! Террор и голод первых лет после революции, сталинские репрессии, тяжелейшие годы войны, послевоенная нищая жизнь и очередное раскручивание ненависти к «врагам народа», нагнетание антисемитизма. Никто в это жуткое время не был застрахован от доноса и оговора, от неожиданного ареста. Что было делать? Как выживать? Наши бабушки и дедушки очень хорошо научились молчать. Мои рассказы — это рассказы о том, о чём молчали бабушки и дедушки.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПОВЕСТЬ О ДЕДУШКЕ ЯШЕ

*Будет людям счастье, счастье на века.
У Советской власти сила велика*

Песня 70-х годов

*Мир еврейских местечек,
Ничего не осталось от них...*

Наум Коржавин

СУМАСШЕДШАЯ ИДИЁТКА

Во время моих нечастых визитов бабушка Нюня обязательно кормила меня обедом. Обед я из вежливости съедала. Было легче его съесть, чем от него отказаться. В чай бабушка клала шесть ложек сахара, как деду. Этот сироп я даже из вежливости пить не могла. Я знала, что они меня любят, но близости между нами давно уже не было. Дед старался шутить, а я не понимала его шуток, смущалась от своего непонимания, но мне было не смешно. Дед видел это, замолкал и, пока я ела куриный бульон, заправленный манкой, и жаркое, молча ходил взад-вперед по их маленькой однокомнатной квартире.

Тем временем я проживала самые бурные годы своей жизни. Я уступила просьбам матери и поступила в тот институт, который она для меня выбрала. На этом какие-либо уступки моим родителям закончились. На третьем курсе я вышла замуж, через год развелась, у меня один роман сменял другой, нередко они перекрывались друг с другом и новый начинался, когда ещё не кончился старый, что вно-

сило ещё больше драматизма в мою и без того беспоконную жизнь.

В институте я училась, особо не напрягаясь, потому что главным в моей жизни было не нудное изучение скучных для меня предметов, а события в компании моих новых друзей. Мы ходили в походы, читали «самиздат» и «тамиздат», топтались в театральные очереди и у Большого зала консерватории, в общем, с жадностью постигали мир вокруг нас. Мои родители были мной недовольны, их всё во мне раздражало, мы ссорились. В конце концов, я ушла из дома и сняла комнату у приятелей. Учёба мне давалась легко. Между делом я закончила институт и защитила диплом. Друзья помогли мне сделать чертежи.

Это на какое-то время успокоило моих родителей. Я вернулась домой, но мы тут же снова поссорились, так как я связалась с художником из московского андеграунда, Сашей Кропивницким, забеременела от него и даже вышла за него замуж.

На нашу с Сашей свадьбу Оскар Рабин, его отец, в качестве пробного вызова властям, позвал чуть не весь иностранный дипломатический корпус и, можете себе представить, все пришли. Преображенка была заполнена иномарками с дипломатическими номерами. Милиция сбилась с ног, оберегая эти машины от местных хулиганов. Дальше протестное движение не признанных официальными объединениями художников развивалось по возрастающей. Лидером этого движения был и оставался Оскар Рабин.

Рождение нашего с Сашей сына совпало с подготовкой к печально знаменитой «Бульдозерной» выставке.

Жить с ребёнком в квартире Оскара на Преображенке, превратившейся на это время в штаб заго-

ворщиков, было невозможно. Мы с Сашей и с новорожденным Митей поселились у моих родителей в Кузьминках. Рождение внука смягчило обстановку, но отношения оставались натянутыми.

Слава богу, в сентябре, когда после выставки в Беляево началась свистопляска с визитами в любое время дня и ночи милиции и гэбэшников, мои родители были в отпуске где-то на юге. Ко мне на помощь приехала моя бабушка Дуся. Она и держала оборону против настойчивых визитёров в мундирах и в штатском, пока я выкраивала часы, чтобы съездить сначала в Беляево, где на моих глазах Оскара и Сашу чуть не подмял бульдозер, потом с младенцем на руках — в отделение милиции, где сидели Саша и Слава Сычов, требовать их освобождения.

Моя бабушка проявила такую выдержку и стойкость, отбиваясь от настырных представителей власти, что Оскар и ленинградский художник Женя Рухин приехали её поблагодарить и, несмотря на то что уже несколько дней голодали в поддержку арестованных художников, вскарабкались на наш пятый этаж и пожали ей руку. Сашу и Сычова, осуждённых на 15 суток, выпустили на пятый день.

Теперь между кормлениями я старалась навестить Сашу и Оскара на Преображенке, где круглосуточно дежурила милиция, стояли топтуны у подъезда, а в доме непрерывно звонил телефон и разные голоса осыпали всех площадной бранью и угрозами. Если кто-то в раздражении бросал трубку, телефон тут же начинал трезвонить снова. Отключить его надолго было невозможно: Оскара из дома не выпускали, и связаться с другими художниками он мог только по телефону. Оскар был близок к нервному срыву, не мог есть, не мог спать, и Саша боялся его оставить даже на короткое время. Выходить из дома было небезопасно, против них могли использовать

любые провокации, могли избить, подкинуть наркотики, то есть применить обычные приёмы, отработанные милицией и ГБ. Я привозила продукты, забирала грязную одежду. Надя Эльская постоянно жила на Преображенке. Она пыталась вывести Оскара из его ужасного состояния и поддержать в доме хоть какое-то подобие порядка.

Отбиваться от навязчивых визитов пришлось и мне. В первый раз я злобно потребовала у гэбэшника предъявить документы. Я даже взяла его удостоверение, чтобы хорошенько рассмотреть. Я смотрела и не видела букв, руки предательски дрожали. Я сжала зубы и про себя решила, что не верну удостоверение, пока не запомню фамилию этого лысого. Майор Колесников проявил выдержку и ждал, а потом очень обиделся, когда я так и не пустила его в дом. Впоследствии я или осмелела, или озлилась, но уже, не смущаясь, либо вообще не открывала, либо захлопывала дверь перед их вытянувшимися физиономиями.

Вернулись родители. Они, растерявшись, один раз пустили явившуюся милицию, но как только милиционеры нахамили моей маме, она их в две минуты выставила из дома. После этого к нам больше никто не совался. Нас временно оставили в покое. Мама со мной не разговаривала, но и не упрекала. В своё время одним из её аргументов в пользу технического вуза было то, что в гуманитарном я, по её мнению, обязательно влипну в какую-нибудь антисоветчину. В техническом, ей казалось, я буду от этого защищена. Ха-ха! Я могла бы ей напомнить об этом, но мне было не до упрёков.

У меня от волнений пропало молоко. Через две недели оно восстановилось, но в дальнейших событиях я уже не могла принимать активного участия,

хотя на выставке в Измайлово побывала и на выставках на ВДНХ тоже.

Одним из результатов движения художников-нонконформистов было создание отдела независимых художников при городском объединении художников-графиков. Для большинства было понятно, что это инспирировано КГБ. Так эта организация начала свою работу по деликатному усмирению мятежных художников, используя принцип «разделяй и властвуй». Оскар Рабин не стал прогибаться и принёс на «приёмную комиссию» свои самые эпатажные работы. Он членства в Горкоме Графиков не получил.

Когда власти поняли, что ни угрозами, ни посулами Оскара Рабина не усмирить, они взялись за Сашу. Началось с того, что Сашу перекомиссовали, признали годным к службе в армии и стали слать ему повестки. Помимо этого, Саше постоянно звонили, угрожали физической расправой и моральной дискредитацией. Мы к этому времени уже жили в Царицыно в кооперативной квартире, купленной для нас Оскаром. На Сашу открыли уголовное дело по статье о тунеядстве, обещали отобрать квартиру, якобы купленную на нетрудовые доходы. Таким образом КГБ давило на Оскара. Он, по их замыслу, должен был сам, по собственной воле, выехать из страны. Один из визитёров, пришедший, как бы посмотреть картины, внятно объяснил Оскару, что среди влиятельных людей есть много тех, кто всё понимает, кто ценит его творчество, что многое должно измениться в лучшую сторону, но не сразу, не завтра, это требует времени и провести это время лучше в уютной квартире на Западе, чем в лагерном бараке на Востоке. Оскар этого человека выслушал, но от обещаний уклонился.

Теперь Саша был под постоянным прицелом. Нервы не выдержали, он стал много пить, пропадать неизвестно где и с кем, а если я набрасывалась на него с упрёками, он просто убегал к отцу на Преображенку. Я любила Сашу и видеть, как наша жизнь рушится, мне было очень больно.

Как ни старалась я быть снисходительной, принимать во внимание Сашину тяжёлую ситуацию, прощать ему пьянство и тяжёлые срывы, но его загулы подорвали наши отношения. Я и раньше догадывалась, а теперь узнала точно о Сашиной связи с Яной, женщиной на тринадцать лет его старше, а потом и о его отношениях с одной из наших общих знакомых. Времени тяжелее, чем последний год перед его отъездом, в моей жизни не было. Сразу всё навалилось: угрозы от властей, слежка, вызовы на допросы, безденежье, ревность. Слава богу, о том, что у Саши родился ребёнок от Яны, больной ребёнок, я узнала уже после его отъезда.

Взвесив все за и против, Оскар подал в ОВИР документы на выезд по приглашению в гости в ФРГ. У него была надежда выиграть и этот раунд у властей, поехать на несколько месяцев в Европу и вернуться, но все понимали, что шансы вернуться не велики.

Мы с Сашей пережили немало яростных ссор, но, в конце концов, поговорили относительно спокойно о том, что слишком много всего между нами произошло и вряд ли можно ожидать улучшения наших отношений. Я сказала Саше, что никуда с ним не поеду. Оскар был удивлён моим решением, говорил со мной, убедился, что моё намерение остаться в России твёрдо, и меня исключили из списка выезжающих с ним. Для Саши я написала и заверила у нотариуса справку, что не возражаю против его выезда за границу.

В начале 1978 года Оскар Рабин, его жена Валентина Кропивницкая, Сашина мама, и Саша выехали в Западную Германию. Их отъезд и многолюдное прощание на Белорусском вокзале для меня прошли как во сне. Я осталась одна с трёхлетним ребёнком, с неясными перспективами работы, под пристальным вниманием «органов».

Мой дед узнал об этом от моего папы и вызвал меня для разговора.

— Почему ты не уехала?

— По личным причинам.

— Каким ещё личным причинам? Они что, не хотели тебя брать?

— Нет, мне предлагали.

— Что предлагали?

— Уехать.

— И ты что?

— Я не захотела.

— Не захотела? Ты что с ума сошла? Идиётка! Если бы мне кто-нибудь предложил... Ты можешь что-нибудь исправить?

— Что исправить?

— Ты ещё можешь согласиться и уехать?

— Нет. Это была особая ситуация. Уехать я могла вместе с ними или никак.

— Почему? Почему ты отказалась?

— Дедушка, мы с Сашей решили разойтись. Для нас обоих было лучше расстаться.

— При чем тут это?

— Как при чем? Вот он и уехал, а я осталась.

— Лучше бы он остался, а ты уехала, сумасшедшая идиётка!

Я тогда не считала, да и сейчас не считаю, что отъезд — это цель, ради которой можно пожертвовать чем угодно, и с удивлением смотрела на деда, добродушного пенсионера, который, как мне каза-

лось, всем был доволен — своей страной, своим обедом и женой. Дед выглядел заметно огорчённым.

— Боже мой! Это я во всем виноват. Я молчал. Если бы я с тобой говорил, ты бы знала, в какой стране ты живешь, ты бы знала, что отсюда надо бежать. Люди шли на такой риск, люди лишались жизни и свободы ради... А ты имела возможность и осталась! Ты прости, но ты, таки, идиётка! Ты хоть знаешь, что я сидел?

В тот день многие пробелы в биографии моего деда были заполнены. Говорил он громким шепотом, постоянно сам себя прерывал, не желая рассказывать подробности. Мне бы вцепиться в него, заставить его рассказать как можно больше. Но я была обижена. Он ещё несколько раз повторил, что я — «идиётка», приговаривая: «прости, девочка, не обижайся. Это я идиёт, и родители твои идиёты». Как только дед успокоился и возбуждение его спало, я распрощалась и ушла.

Я, правда, сумела деду объяснить, что не так уж плохо понимаю и то, в какой стране я живу, и то, чего я лишилась, отказавшись уехать. Но о событиях последних лет, которые разрушили мою с мужем жизнь, мне рассказывать было тяжело. Я старательно избегала этой темы, и не смогла убедить деда Яшу, что приняла правильное решение, не уехав вместе с Сашей. С этого дня, во время моих нечастых визитов, дед стал со мной разговаривать как со взрослым человеком. Я узнала многое о моей семье и постепенно научилась понимать его речь, полную намёков и недоговорённостей.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ

У меня сохранилась только одна фотография моего прадеда, Шимона Ротштейна. На ней сухощавый и крепкий старик с большой, очень белой бородой, в картузе и белой рубаше, стоит с палкой в руках. У него прямая спина, хорошая осанка. Палку он поставил прямо перед собой и положил на палку обе руки. Деду Шимону на фотографии 80 лет. Снимок сделали в день его свадьбы, когда он женился вторым браком на 57-летней женщине.

После прихода немцев одним из первых в Доманевке был убит мой прадед Шимон. Кто-то услужливо подсказал солдатам, что из шести сыновей деда Шимона трое коммунисты. Немцы вытащили его из дома за бороду и натравили на него овчарок. Ему был тогда 101 год.

Я мало знаю о прадеде. Знаю, что он держал в селе мастерскую по починке и пошиву обуви и работал там с подмастерьями. Сыновья помогали ему пока не разъехались в поисках лучшей жизни.

Моего деда, одного из шести сыновей старого Ротштейна, звали Янкель Шимонович Ротштейн. всю жизнь работая на руководящих должностях, он поменял имя и отчество на Яков Семенович, по его словам, для удобства подчиненных, а может быть, просто, чтобы имя не звучало так откровенно. Село Доманевка существует и сейчас. Там и сейчас много семей с фамилией Ротштейн, но колорит еврейского местечка утрачен.

На пыльной площади посреди села стоит небольшой обелиск с именами погибших в Великой Отечественной войне. На ней из семнадцати фамилий четырнадцать раз повторяется фамилия Ротштейн. Это один из скромных сельских памятников эпохи Большой Лжи. В период оккупации в этом местечке погибли все евреи. Сначала расстреляли и пове-

силы коммунистов и родственников коммунистов. В информаторах недостатка не было: сводили счёты соседи. Из местных были сформированы отряды полицаев. Им приказали копать ров невдалеке от села. Когда ров был закончен, немцы оцепили село и за день уничтожили всех евреев. Людей ставили на край рва и стреляли по ним из пулемета. Трупы засыпали известкой и приводили следующих. Когда стало понятно, что ров не сможет вместить всех, трупы во рву облили соляжкой и подожгли. Теперь те, кого расстреливали, падали в пламя. Акцию проводили украинцы-полицаи. Командовали, конечно, немцы, но сгоняли, разыскивали по дворам и расстреливали полицаи. Одну украинскую семью, у которой нашли еврейских детей, повесили. После этого никто больше помочь евреям не пытался. Спаслись из этого местечка только те, кто уехал перед войной, и те, кому повезло выжить на фронте.

Чтобы написать имена всех жителей Доманевки, кто был уничтожен во время «акции», пришлось бы построить небольшое подобие Стены Плача. Во многих местах Украины была бы тогда своя Стена Плача. Но даже тот скромный памятник с несколькими еврейскими именами собирались заменить. С точки зрения властей он был лишним. Зачем же выпячивать и подчеркивать страдание одной национальности? В войне, как-никак, погибло 25 миллионов. Гораздо лучше и достойнее сделать небольшую стелу над вечным огнем из газовой горелки с надписью: «Никто не забыт и ничто не забыто» и, в соответствии с этикой и эстетикой эпохи Большой Лжи, это было бы ложью от первого до последнего слова. В Доманёвке я побывала только один раз и что там сейчас, сохранился ли этот маленький обелиск, где фамилия Ротштейн повторялась четырнадцать раз, я не знаю.

Семья. Армия. Плен

Я начала писать о дедушке Яше и поняла, что год рождения его указываю неправильно. Сколько ему было, когда началась Первая Мировая, 20, 22? Когда он женился, ему было около 30, у них с бабушкой разница не меньше 12 лет, но всё неточно, а хотелось бы знать точно. Наконец, мне пришла в голову хорошая мысль. Точную дату рождения деда Яши я нашла в списке репрессированных.

Дед Яша родился в 1892 году в селе Доманёвка Николаевского уезда в семье Шимона Ротштейна. В 1912 году, по решению отца, молодого деда Яшу, в ту пору — Янкеля, забрали в армию. Старшие братья были женаты. К тому же, насколько я догадалась по дедовым ухмылкам, он был большим шалопаем, и отец решил, что в армию пойдет именно он. Янкель к тому времени уже ушёл из дома, он работал помощником управляющего на фабрике в Николаеве и никак не ожидал такой беды. У деда навсегда сохранилась обида на отца. Когда жребий пал на их семью, не были женаты двое сыновей. Но более послушного и слабого здоровьем Бениамина срочно женили, а дед Яша, 20-летний Янкель, пошёл в армию. Матери давно не было в живых. Отец пожертвовал способным, но строптивым сыном, ради тихого и религиозного. Больше Янкель в отчий дом не возвращался.

Вероятно, суровый отец сделал правильный выбор. За два года войны дед дослужился до унтер-офицера — это высший не офицерский чин, имел награды, в том числе за личную храбрость, и это еврей из местечка, типичный такой ашкеназ, рыжий, губастый и носатый, с местечковым выговором. Был он, правда, высок, подтянут и ладно скроен, видимо, физически вполне силен и вынослив, что для армии не последнее дело. У меня есть его фотография 1915 года. Он сидит на стуле крайний слева в первом

ряду группы военных, поза свободная, нога на ногу, сапоги щегольские. Дед знал толк в хорошей обуви.

— Я знал у кого заказать. А кожу всегда выбирал сам и предупреждал, чтоб не смели подменивать, они, конечно, возмущались для виду, кричали: «Если ты нам не веришь, не надо у нас заказывать! Уходи!», но это только в первый раз, потом они передо мной сами дверь открывали, встречали — кланялись и провожали — кланялись.

— За что же тебе был такой почет?

— Было за что. Я прихожу в полк, а мои сапоги лучше офицерских! Ты понимаешь? Меня спрашивают: «Где пошил?» Я называю местечко и еврея-сапожника. Вижу, мой командир помрачнел. Понимаешь? Нет? Он бы туда ни за что не пошёл. А я говорю: «Но вам там таких не сошьют».

— Это почему же?

— Потому что я сам кожу выбираю и знаю, как с ними, мошенниками, разговаривать.

— А можешь на меня заказать, чтобы как следует сделали?

— Рад буду, ваше высокоблагородие!

— А мерки?

— Мерки я с вас сам сниму.

Цену я этим «вашим благородиям», конечно, говорил другую. То, что сверху, делил пополам. Половину себе, половину сапожнику. Сколько же я этих сапог перетаскал, пока мы там стояли! У них, я думаю, ни до ни после столько заказов не было. Ну и мне польза, конечно. Деньги были, отпускали часто и по службе не очень придирались. Жаль, недолго мы в этом местечке простояли.

После двух лет в окопах, в 1916 году дед на территории Австрии попал в плен. Немцы кайзеровской Германии, тем более Австрии, были совсем не те немцы, которые через 25 лет вторглись в Россию.

К евреям относились добродушно, даже доброжелательно, тем более что могли с ними общаться на родном языке. У идиша и немецкого много общих корней и построены эти языки похоже, в общем, евреи и немцы понимали друг друга.

В лагере военнопленных время от времени появлялись люди, подбиравшие себе работников. Это было выгодно: пленные работали за кров и стол. Пленным было, конечно, неизвестно каковы эти кров и стол, и какая работа. Можно было сильно нарваться. Но пленные, уставшие от безделья, скученности и поганой еды, охотно шли в работники. Большею частью набирали на сельские работы. Это деда не привлекало. Иногда спрашивали столяров, плотников и тому подобных специалистов. Ничего этого дед не умел. И вот однажды стали спрашивать, кто понимает в сапожном деле. Дед решил быстро. Шить и ремонтировать обувь он, конечно, не умел. Но, в конце концов, чем он рискует? Не подойдет — вернут обратно в лагерь, вот и всё. Он ответил: «Я», и его повели к выходу. Лицо австрийского немца, искавшего сапожника, ему понравилось и мой дед, которому было тогда 24 года, решил, что, приехав на место, сразу все ему расскажет: пусть тот сам решает, как быть. Так он и сделал.

Немец посмеялся, но отсылать Янкеля обратно не спешил. Дал ему поесть, вымыться и переночевать, а на следующий день повел его на свою маленькую фабрику, показал, как организовано у него дело и попросил рассказать, как дело делалось у Янкеля дома и на фабрике, где он работал помощником управляющего.

То ли мой дед был наблюдательным и хорошо знал процесс, то ли он проявил природную смекалку, но он сумел дать немцу-обувщику несколько советов настолько дельных, что тот не только не от-

правил деда обратно в лагерь, но сделал его своим помощником, своей правой рукой. Дед находил места сбыта и заключал договоры с магазинами. С образцами обуви он объездил всю Австрию, побывал в Германии, Венгрии, Польше, Чехии, Словакии, в общем, где только не побывал и не погулял. Когда дед об этом рассказывал на лице его появлялась шаловливая ухмылка, значение которой я не берусь истолковывать. Судя по этой ухмылке, воспоминания об этом периоде своей жизни он сохранил хорошие, даже очень хорошие. Только одного ему хозяин не доверял: кожу для обуви всегда покупал сам. В кожу вкладывалось много денег, если бы Янкель ошибся, он оказался бы у хозяина в долгу. Честный немец так с ним поступать не хотел. Дело при молодом Янкеле развернулось. Немец его полюбил как сына, отчасти эта любовь объяснялась, я думаю, значительным увеличением дохода от его фабрики. Тем временем в России произошла революция, и Россия заключила с Германией договор о мире, «Брестский мир». У Германии больше не было причин удерживать русских военнопленных. Всем разрешено было вернуться на родину.

Получил соответствующие бумаги и мой дед. Тогда хозяин сделал деду предложение: оставайся у меня, крестись, женись на моей дочери, — я сделаю тебя совладельцем предприятия. Дед поблагодарил, сказал, что ответ даст завтра. Рано утром следующего дня он, не прощаясь, вышел из дома, поехал на вокзал и сел на поезд в Россию.

Ни разу ни мне, ни моему отцу дед не дал ответа, почему он это сделал. Вопрос ему казался странным. Просто захотел уехать и уехал. Остается только гадать: то ли дочка ему не нравилась, то ли остепеняться ему ещё не хотелось, то ли на родину потянуло, а может и то и другое и третье. Да и креститься

вряд ли он хотел, хотя не верил уже ни в бога, ни в черта, ни в кочергу. Однажды я уж очень к нему пристала с этим вопросом, видно хотелось взять реванш за «сумасшедшую идиётку».

— А если бы он предложил тебе просто работу с хорошей зарплатой, ты бы остался?

— Может и остался бы.

Дед подумал немного.

— А может и нет.

— Дед, а как ты думаешь, хозяин понял, что ты не согласишься?

Задумавшись над этим вопросом, дед Яша неожиданно разволновался. Вскочил, стал ходить по комнате. Потом повернулся ко мне.

— Наверное, понял.

Дед опять подумал немного.

— Нет, понял, совершенно точно, понял! Он, может быть, даже видел, как я ухожу и не стал останавливать. Я помню, я почувствовал, что кто-то мне смотрит в спину!

Вот как, оказывается, поступал мой дед! Ушёл, не оглядываясь, и выбросил из головы своего друга и партнёра. Даже не задумался о том, что чувствовал этот честный немец, чьё щедрое предложение было отвергнуто. Благополучной европейской жизни дед Яша предпочёл голодную и разорённую революционную Россию. Как не вспомнить Багрицкого:

Кричит четвёртый ветер:
 В моём краю пустынном
 Одни лишь пули свищут
 Над брошенным овином.
 Копытом хлеб потоптан,
 Нет крова и нет пищи...
 Иди ко мне — здесь братья
 Освобождают нищих.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя	7
<i>Владимир Друк. Ветки рябины</i>	9
<i>Алла Дубровская. Вспоминая Наташу</i>	13
<i>Владимир Гандельсман. Своя стена Плача</i>	15

ДЕДУШКИ-БАБУШКИ

Предисловие 2008 года.	19
Немного о «прекрасной» эпохе.	21

Часть первая. Повесть о дедушке Яше

Сумасшедшая идиётка	24
Происхождение	32
Семья. Армия. Плен.	34
Эх, мне бы в Израиль!	39
Одесса. ЧК	40
Маленькая Нюня и её жених	41
Вот еду я в тачанке...	43
Воровство по списку. Бегство в Москву	46
Арест. Лагерь.	48
Бабушкин подвиг. Амнистия	51
Письмо из Аргентины	53
Война. Унты	56
Дни благополучия. Дача	58
Дядя Саша	61
Дедушка пытается мне помочь.	63
Дом для рабочих	65
Бабушка Берта и её портрет.	66
Персональная пенсия	68
Похороны дедушки Яши.	69
Послесловие	70

Часть вторая. Повесть о бабушке Дусе

Где ты родилась?	74
Происхождение	76
Петроград	79
НЭП	80
Любовь	81
Дедушка Ваня	84
Не возвращайся, Ваня!	85
Перед войной	87
Война	89
Блокада	92
Снова вопросы	94
Дочка Кирова	96
Через Ладогу	98
«Кувыренные»	102
Химки	104
Документы	105
Почему исчезли документы?	107
Снова вопросы	108
Тётя Лида	109
Дядя Миша	110
Мои родители	114
Смерть дедушки Вани	115
Послесловие	118

РАБОЧИЙ ПОСЁЛОК

Жёлтые домики с коричневыми балками	121
«Суп рататуй по краям картошка»	
или «Что мы ели»	123
«Что я, я не работаю!»	131
Детство	133
Соколовы и Коршуновы	135
«Старьё берём!»	137
Лес	139
Вышка	140
Могилы	142

Родители по воскресеньям	144
Женщина в пальто	146
«Как жить, тётя Дуся, как жить?»	150
Барсик и Китька	160
«Ты Анну Каренину читала?»	167
Тястый	172
Переезд	176
ПСЕВДОНИМ.	178

«Дедушки-бабушки» — последняя, посмертно публикуемая книга Натальи Эфроимсон.

На первый взгляд, это просто семейная хроника. Но в рассказах автора о её семье — о дедушках и бабушках, родителях, родственниках, о детстве в подмосковных Химках — проступает история страны: революция, Гражданская война и ЧК, аресты и вошедший в плоть и кровь страх, война, блокада, послевоенный быт, ложь, пронизывавшая советскую жизнь, эмиграция...

Это книга о том, о чём молчали старшие, и о памяти, которую необходимо успеть сохранить.

ISBN 978-1-970342-40-6

90000 >

M-GRAPHICS **PUBLISHING**
www.mgraphics-books.com
mgraphics.books@gmail.com